

Борис
ЗАМЯТИН

Мгновения

*Поэзия
разных
лет*

С
о
б
р
а
н
н
о
е

Борис Замятин

Мгновения. Поэзия разных лет

«Алетейя»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Замятин Б.

Мгновения. Поэзия разных лет / Б. Замятин — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907115-55-2

В поэтическом сборнике Бориса Замятина (литературный псевдоним Бориса Ильича Френкеля) – русского советского поэта, прозаика, писателя-афориста – собраны стихотворения, написанные им в разные периоды жизни – в Москве, Воронеже, Венгрии, на Урале, Украине. Книга будет интересна всем, кто интересуется современной русской поэзией.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-907115-55-2

© Замятин Б., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

Из московской тетради	6
Легенда о божьем даре	6
«Какая проза – в сорок лет...»	8
Перед штурмом	9
«Давно за тридцать мне, а всё никак...»	10
«Мы были тёмными тогда...»	11
«До чего-то пока не дошёл...»	12
Предок	13
Актриса	14
Влюблённые в чужих	15
Салон	16
Баллада о пьяной бабе	17
Деньрожденческое	18
«Слушай, слушай!»[1]	19
Война и Мирка	20
Лейтенантам Великой войны	21
Монолог умирающей собаки	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Б. Замятин
Мгновения
поэзия разных лет
(собранное)

В оформлении обложки использованы фотографии И. Савкина.

© Б. Замятин (Б. И. Френкель), 2019

©Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

* * *

Из московской тетради

Легенда о божьем даре

Сначала
    В нём музыка тревожная звучала,
Давила
    Какая-то неведомая сила.
Но свыше
    Зовущий тихо глас он не услышал
И долго
    Пытался быть рабом семьи и долга.
Чужое
    Напрасно ремесло хотел освоить,
Но мало
    Постиг в холодной логике металла.
Иные
    В душе его звучали позывные
И уши
    Он закрывал, чтобы не рвались звуки в душу.
А звуки
    В грозу манили, как в объятья руки,
Томили
    Виденья смутные и ощущение крыльев.
Но дурью
    Звала жена томление по буре.
«Работать
    Тебе, мой милый, – говорила, – неохота,
Томленье
    В здоровом мужике всегда от лени!»
За плечи
    Её он обнимал и не перечил.
Но ночью
    Она заголосила что есть мочи,
Не веря,
    Что руки его сплошь покрыли перья.
Хоть ужас
    И овладел женой от вида мужа,
А бабой
    Была она по виду хрупкой – но не слабой,
Тигрицей
    Рванулась к мужу, ощипала словно птицу.
К рассвету
    На коже не осталось даже следа,
И руки
    Он, плача, целовал своей подруге,
Не зная,

Что божий дар за кару принимает.
Всевышний
Глаза отвёл, увидев, что он лишний.
«Бабёнку, —
Решил, – за преданность вознагражу ребёнком,
А мужа,
Бог с ней, оставлю, коль он ей так нужен...»
Но всё же
В душе жалел, что погасила искру божью.
У Бога
Свой дефицит, и божьих искр немного.
Так Богу
Простая баба перешла дорогу
И победила
Извечным – тем, что мужика любила.
А парень
Какой родился! Только муж бездарен.
Ну что же...
Не каждому даётся искра божья!
1979

«Какая проза – в сорок лет...»

Какая проза – в сорок лет
слыть начинающим поэтом,
когда иных на свете нет,
и впереди, увы, не лето.

И ужасается рука
безмерной тяжести задачи,
поэты – баловни удачи
поглядывают свысока,
но просто жить нельзя иначе.

А белый лист, как эшафот,
когда вокруг столпились люди
и жертва еще чуда ждет,
но чудо не произойдет,
и казнь отменена не будет.

А будет белый лист манить,
как манит плаха в миг последний.
Но опоздавшему к обедне
к вечерне можно не спешить...

Перед штормом

*«Какая нежность – в пору умереть».
Есть сила чувства в этой странной строчке,
так вовремя поставленная точка
пленил нас крепче, чем словесной вязи сеть.*

Над Кара-Дагом облака низки,
и кажется, они всё ниже, ниже,
пустынны пляжи, волны высоки,
курортники, как ласточки, под крыши
забились.

В страхе поползли пески,
а горы словно сдвинулись поближе.
Какая сила в шуме волн, в молчанье скал,
как беспощаден надвигающийся вал,
как обнажилось хищное начало,
которое, лаская, разрушало
гранитную, доверчивую твердь.
Но морю штормом гор не одолеть!

Где взять слова, как описать суметь,
что видишь глазом?

«В пору умереть!»

1978

«Давно за тридцать мне, а всё никак...»

Давно за тридцать мне, а всё никак,
я не пойму, что хорошо, что плохо...
Мне говорят, что такова эпоха,
кругом бардак, не мучайся, чужак!
Но мучаюсь. Совсем простые вещи
мне недоступны: в толк я не возьму,
действительно ли сильному уму
для гибкости полезны пресс и клещи?
И надо ль славу петь сто раз на дню,
тому, кто песнопений не достоин,
лишь потому, что нам нужны герои,
а новых нет – кромсают на корню...
Я знаю, мне легко всё объяснят
в местах, где есть и средства, и уменье.
Ну, успокоюсь я, но есть сомненье,
что сам вопрос со мной искоренят.
И станет он для дочери моей
крестом, что не донёс отец убогий.
Когда в стране открыты все дороги,
зачем брести тропинкою своей?

1978

«Мы были тёмными тогда...»

Мы были тёмными тогда
И, глядя в даль, упорно слепы...
Но в даль в те трудные года,
пусть нынче прозвучит нелепо,
манил не рубль, а звезда!

1986

«До чего-то пока не дошёл...»

До чего-то пока не дошёл,
не постиг самой тонкой науки.
Говорят: «Не поставлены руки»,
а мне слышится в этом: «Осёл,
так наивно пытаться залезть,
на копытах
туда, где в пуантах».
Но коль есть хоть бы капля таланта,
невозможно среди дилетантов
пить отраву по имени лесть.
Не пишу.
Ну и что?
Не помру.
Пью с соседом вино из продмага,
но опять тянет руки к перу.
Слава богу, что трудно с бумагой!

1979

Предок

Так кто он был, безвестный предок мой,
что брёл по жёлтой тишине пустыни?
И почему глаза его и ныне,
как совести укор передо мной?

Я рос в России, здесь моя судьба –
как прядь в канате многих сходных судеб.
Полёт ракет и чёрная изба,
размах, убогость, праздники и будни –

здесь всё моё, мне нет иных путей,
умру при русском звоне погребальном...
Но он приходит ночью... «Ты – еврей» –
читаю я в глазах его печальных.

«Оставь, – я говорю ему, – уйди,
я с детства этим сыт, как кашей манной!»
Он исчезает.
Что ж так жжёт в груди,
когда я просыпаюсь слишком рано?

1977

Актриса

В. Заклучной

Когда не в меру любопытная толпа
её стоглазым взором провожает,
как мало тех, кто всё же понимает,
как ненадёжна, как крута тропа,
которой так легко она ступает.

Всем интересно – с кем она стоит,
«Который ейный муж?», «А кто любовник?»
И правда ль, что «у ей отец – полковник?»
«Поспорим, у неё холецистит...»
«Как хороша...», – шепнёт чуть слышно скромник.

И так везде.

Пойдёт кормить собак,
либо сидит в купальнике на пляже
и, тихо напевая, что-то вяжет,
стоглазый взор не отстаёт никак,
и каждый что захочет, то и скажет:
тут все вольны – и умный, и дурак.

Нахмурится, в себя погружена:
сегодня снова объясняться с мужем,
корить себя, хвалить нехитрый ужин
и сознавать, что в общем-то нужна
лишь сигарета да глоток вина.

Крым, 1980

Влюблённые в чужих

Кинотеатра зал полупустой,
на мерзлых стенах стынущие тени,
вот гаснет свет, сейчас замрет мгновенье,
спасительной укроет темнотой,
откроет губ запретное тепло
и нежность рук, забытую, как детство.
Влюблённые в чужих, куда им деться?
Где место, чтобы спрятать их могло?
Они не знали, что бывает так,
как будто вдруг захлопнутся все двери,
и, как волной, их выбросит на берег,
где все свои, но каждый встречный – враг.
И всё ж вдвоем пока не вспыхнет свет,
вдвоем,

        спасибо «студии Довженко»
за два часа короткого блаженства,
за без труда доставшийся билет,
за этот фильм – ни сердцу, ни уму,
мелькнувший незаметно, как свиданье.
Что этим двум экранные терзанья?
Они домой уйдут по одному.

1977

Салон

На скромной кухоньке стена
резной украшена доскою.
С затейливостью городской
в доске тоска отражена
по деревенскому покою.

Наивна грубая скамья,
фонарь-коптилка над плитою,
а на хозяйке кружевное,
то ль пончо, то ли что иное,
о чём спросить стесняюсь я.

Компания всегда одна:
хозяйка – бывшая актриса,
сосед – редактор из «Совписа»,
художник – ярый враг вина,
но пьющий водочку «до дна».

Все в возрасте, но без имён,
не избалованы вниманьем,
и, может, это моветон,
но у хозяйки свой резон,
на кухне принимать компанью.
Уверен, и в Париже нет
уютней этого салона,
хоть заменяет винегрет
и водка с огурцом солёным
коктейли, устриц и фуршет.
Я так люблю от суеты
сбежать сюда под воскресенье,
молчать, топить в вине сомненья
и грусть несбывшейся мечты,
и знать, что здесь бываешь ты...

1982

Баллада о пьяной бабе

Толпа, как в Пушкинский музей
на «Монну Лизу»,
кто норовит через друзей,
кто лезет снизу,
а чувства тех, кто ближе всех,
сродни экстазу —
им выпал редкостный успех:
дают паласы.
В глаза бросается одна —
а ля мадонна,
следы побоев и вина
в лице зелёном.
Уселась, будто на диван,
в углу витрины,
плывет над нею караван —
зады и спины.
И так бедняга хороша,
так дышит тяжело,
что там, где прячется душа —
всё нараспашку.
Вся наизнанку, без прикрас,
прости ей, Боже,
зато плевать ей на палас
и эти рожи.
Внезапно — прыг и ну скакать,
откуда силы?
И ну честить в Христа и в Мать,
в святых и в милых...
Смеются, глядя на неё —
пьяна молодка,
что делать? Каждому своё,
вот этой — водка.
Кто очи долу отведёт,
Кто смотрит косо,
а кто скривил брезгливо рот
и крутит носом.
К ней, плача, мальчик лет шести
пролез упрямо,
но все, что смог произнести:
— Не надо, мама.
Качнулась, будто от толчка,
исчезла резвость, к
акая вдруг в глазах тоска,
какая трезвость!

Деньрожденческое

Возраст Господа Христа –
замечательная дата.
Ты все так же молода,
только друга виновато
серебрится борода.
Речь его витиевата,
суть её зато проста:
просочились, словно в вату,
ваши лучшие года,
и расстреляна мечта
наповал, как автоматом.
Он сегодня за столом,
снова дорог, снова близок,
тост за умницу Ларису,
тост за маму – за актрису.
Что ж у мамы в горле ком?
Что ей плачется? По ком?
По какому по капризу
слёзы бывшая актриса
вытирает не платком,
как ребенок – кулаком?
Друга ты не уважаешь,
но он прав, ты это знаешь.
Как сомнамбула, по краю
черной пропасти шагаешь
и пока хватает сил
сохраняешь равновесье
либо рюмкой, либо лестью,
либо тем, кто нынче мил.

«Слушай, слушай!»¹

Сыну Жене Замятину

Он произносит Селли вместо Шелли,
он с буквами пока что не в ладах,
и не кощунство ль во младенческих устах,
да и во взрослых – рядом с колыбелью
чужих стихов магическая вязь,
звучащая легко, но непонятно,
и воспроизведённая невнятно
двух языков таинственная связь?
Корю себя, но в глубине души
укоры разума сухого отвергаю.
Возможно, лучше те стишки, что к маю,
к октябрьским безумно хороши,
но что ж не трогают ни детский ум, ни душу?
Он просит: почитай мне «Слушай, слушай...»

1981

---

¹ Строка из «Оды Западному ветру» П. Б. Шелли в переводе Б. Пастернака

Война и Мирка (*Маленькая баллада*)

Родные её звали Мириам,
а русский муж по-русски: Миркой, Мирой.
Он с детских лет не верил чудесам,
но, что любовь угодна небесам,
он верил и повёл невесту в храм,
там, вопреки желанью пап и мам,
она венчалась со своим кумиром.
Ведь он был первым парнем на селе,
красавец Вася – слабость вдов и девок,
и встречи с Миркой, видно, Бог хотел,
а Яхве иль Христос – не в этом дело.
Но ей завидовали завистью не белой.
Спустя неделю началась война...
Он сам ушёл на фронт, по доброй воле...
И разве в том её была вина,
что не удержит юная жена,
когда у близких столько слёз и боли.
С войны он не пришёл, его война
закончилась в Берлине в сорок пятом
чуть раньше срока, мир и тишина
к нему пришли со взорванной гранатой.
Его убил осколок.

Он упал
на лестницу горящего Рейхстага,
и падая, он не увидел флага.
Он победил, но он Рейхстаг не взял.
А те, кто взял, кто выжил, победив,
его жене прислали похоронку.
Она взяла её рукою тонкой
и рухнула, конверта не открыв,
прямо под ноги пьяной почтальонке.
Весь мир был пьян, победная весна
сулила прочный мир, как всем казалось,
а к Мирке в дом опять пришла война
и никогда уже не прекращалась.

2000

Лейтенантам Великой войны

Романтики, погибшие в боях,
там, за сороковыми-огневыми,
не исчезали, превращаясь в прах,
а навсегда остались молодыми.
Романтики, влюбленные в страну
и верившие в дружбу, честь и совесть.
Без них ей бы не выдержать войну
и нашей жизни горестную повесть.
Без их стихов, без ветра бригантин,
без их презренья к званиям и рангам,
без их готовности идти пешком до Ганга,
ползком – до ослепительных вершин.
Без их извечной тяги к красоте,
без веры, что она сей мир спасает.
Пускай сегодня появились те,
кто память даже павших оскорбляет,
но строчки, строчки защищают честь
поэтов, не увидевших Победы...
Не все умрут, и все не канут в Лету.
Какие б нас не ожидали беды –
«Есть среди нас ещё поэты, есть!».²

1995

---

² Строка А. Вознесенского

Монолог умирающей собаки

В Москве на площади Ногина 8 июля от жары умерла собака.

Лежу,
лижу асфальт горячий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.